

“БРОДЯЧИЕ” МОТИВЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДЕКОРА (по материалам торевтики малых форм Центральной Азии)

© 2022 г. Г. Г. Король*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: ggkorol08@rambler.ru*

Поступила в редакцию 21.04.2022 г.

После доработки 21.04.2022 г.

Принята к публикации 14.06.2022 г.

Торевтика малых форм — художественные декорированные в определенном стиле предметы из цветного металла, в основном ременные украшения воинов-всадников. Это характерный признак разных культур Центральной (Внутренней) Азии конца I — начала II тыс. Концентрация таких предметов известна у границ региона: на севере — в Саяно-Алтае и на прилегающих территориях, на западе — в Чуйской долине Северного Тянь-Шаня, на востоке — у хребтов Большого Хингана. Пик расцвета декора и широкого распространения украшений приходится на конец I тыс. На примере двух внешне чуждых кочевникам мотивов (“цветок смоквы” в двух вариантах композиции и “виноградные гроздья и лоза” в композиции “симметричные гроздья”) прослежены и картографированы “цепочки” их находок. Выделено три вида распространения таких “бродячих” мотивов: дисперсный — из разных источников в разных (рассеянных) направлениях; линейный, связанный с контактами енисейских кыргызов периода “экспансии” Кыргызского каганата и влияния, прежде всего, на культуру жителей Саяно-Алтая и прилегающих территорий; многовекторный — из условно одного региона в определенных, но разных направлениях.

Ключевые слова: Центральная Азия, Саяно-Алтай, Чуйская долина, торевтика малых форм, декор, “бродячие” мотивы, конец I тыс.

DOI: 10.31857/S0869606322040092

Художественные, нередко изящно украшенные разнообразным декором изделия малого размера из цветного металла (торевтика малых форм) в конце I — начале II тыс. были характерной чертой культуры народов Центральной (Внутренней) Азии¹. Это предметы снаряжения всадника, а также амулеты и пр., принадлежавшие женщинам и детям, судя по материалам ингумаций. К концу I тыс. в Центральной Азии наибольшая концентрация находок отмечена на северной окраине региона — в Саяно-Алтае и на прилегающих территориях. Здесь же фиксируется наибольшее разнообразие декоративных мотивов и их развитые формы (Король, 2008). Это связано в первую очередь с контактами с другими народами и их культурой в результате выхода енисейских кыргызов на политическую арену Центральной Азии, их военными походами после победы над уйгурами (840 г.). В результате значительные территории на востоке, севере и западе от Енисея попали под некоторое влияние Кыргызского ка-

ганата². Другой регион концентрации торевтики малых форм — верховья Чуйской долины Северного Тянь-Шаня, где были сосредоточены средневековые города. По имеющимся данным, часть изделий производилась именно там (Горячева, 2010; Камышев, 2020). Отмечено разнообразное влияние, в том числе культуры енисейских кыргызов IX—X вв., на стилистику декора находок из Чуйской долины (Байпаков и др., 2007. С. 213; Торгоев, 2011. С. 13, 14). Находки с территории киданей империи Ляо (916—1125 гг.) в Северо-Восточном Китае (третий регион концентрации находок) привлечены автором в качестве сравнительного материала.

Особый интерес для рассматриваемой темы представляют иконографически и семантически чуждые местной культуре мотивы. Это “цветок смоквы” в разных композиционных вариантах и “виноградные гроздья и лоза” — мотив, формирующий горизонтальную композицию “симметричные гроздья”. Инородное происхождение мо-

¹ Термин понимается в его географическом аспекте, подробно см. Коренько, 2002. С. 14–16.

² Подробнейшую историческую карту “Кыргызский каганат в IX в.” в Центральной Азии см. Кляшторный, Савинов, 2005. Цв. карты [6].

тивов (Король, 2008. С. 158–161, 166–169) позволяет предполагать источники его попадания на территорию Саяно-Алтая. Имеющийся материал дает возможность проследить пути перемещения этих “бродячих” мотивов и за пределами Саяно-Алтая.

Цель работы — рассмотреть три наиболее яркие “цепочки” распространения названных выше двух “бродячих” мотивов, выходящие за пределы Саяно-Алтая и прилегающих территорий, дать им характеристику; ввести в научный оборот материал из автономного района Внутренняя Монголия Китая (из архива Е.Г. Дэвлет, 2018 г.); дать оценку двум средневековым находкам с Верхнего Амура — возможно, “поздним” звеньям двух из рассматриваемых цепочек.

Мотив “цветок смоквы” распространен в танском орнаменте Китая как индийское влияние. Т. Арне в качестве аналогии мотиву на бляшках “из Сибири” (Arne, 1914. Р. 147) приводит украшения тибетских и монгольских “гау” (коробочек для амулетов) рубежа XIX–XX вв. Они имеют свой стиль орнаментации, но среди цветов есть и близкие рассматриваемому нами мотиву (рис. 1, 1, 2). Сходство их в структуре цветка. Этими цветами в буддийской изобразительной традиции усыпаны ветви дерева *бо*, *бодхи*, символа мудрости и просветления (Williams, 1960. Р. 43, 44) — сидя именно под этим деревом в медитации, принц Гаутама обрел Просветление и стал Буддой. Иконография цветов многообразна. Самые разные, в том числе композиционные, варианты представлены в росписях пещерных монастырей Восточного Туркестана, не только буддийских, но и манихейских. Возможно, именно из этой области мотив попадает в Саяно-Алтайский регион в период “экспансии” Кыргызского каганата второй половины IX в.

На предметах торевтики малых форм Саяно-Алтая конца I — начала II тыс. мотив “цветок смоквы” украшает разнообразные по форме бляхи, пряжки и пр., известные во всех локальных регионах Саяно-Алтая и на некоторых прилегающих территориях, а также в Киргизии, Забайкалье и Северо-Восточном Китае. Мотив часто является центром или основным элементом сложной растительной композиции. Отметим характерную особенность торевтики малых форм Саяно-Алтая и прилегающих территорий — наличие серийных изделий. Это наиболее популярные в регионе предметы с внешне одинаковым, нередко идентичным декором, происходящие из разных мест. Ранее выявлено, что одной из самых популярных на Среднем Енисее в Минусинской котловине, а также распространенной на других локальных территориях Саяно-Алтая оказалась группа композиций “цветок смоквы — центр растительного узора”. Серийные изделия этой груп-

пы детально исследованы³. Ряд одних и тех же иконографических отличий внутри ее подгрупп дает возможность предполагать “почерк” одновременно работавших мастеров-художников или некоторую хронологическую разницу двух основных вариантов.

Ажурные сложные композиции с мотивом “цветок смоквы”. Для Саяно-Алтая уникальны находки предметов ажурного литья, в декоре которых присутствует данный мотив. Это образцы художественного мастерства. Наиболее известна золотая накладка из могильника Копены (Копенский чаатас), кургана 2 (рис. 1, 3) в Минусинской котловине (Евтюхова, Киселев, 1940. Рис. 8). В целом материалы могильника относятся к VIII—первой половине IX в. Кургана 2 — знаменитый (по находкам драгоценных предметов торевтики) и, возможно, самый поздний копенский курган. Он предположительно отнесен ко времени сразу после победы кыргызов над уйгурами, т.е. его можно датировать временем около середины IX в. или даже второй половиной IX в., по мнению Б.И. Маршака (1971. С. 55–57).

Сравнение композиции на бляшке с серийными и другими изделиями конца I — начала II тыс. выявляет стилистические особенности. Мотив не служит центром композиции со значительно стилизованными растительными стеблями, образующими ту или иную конфигурацию, как в серийных изделиях с литым декором (рис. 1, 1; рис. 2, 11–13), а является его основным мотивом. Он размещен симметрично как в центральной части, так и в углах украшенной поверхности прямоугольного предмета. При этом цветок воспринимается как органичное завершение всего декоративного растения (со “стеблями”, “листьями”), как изображение реального цветка. Таким же он представлен на ажурной бляхе — накладке на поясной мешочек (рис. 1, 4). Известно три таких предмета: случайная находка из Лугавского в Минусинской котловине и две из кургана 11 (X в.) могильника Аргалыкты I на Верхнем Енисее (см. Король, 2008. С. 138, 139).

Интерес представляет, по-видимому, ажурная Т-образная бляха из случайных находок “между Обью и Иртышом” (рис. 1, 6). Сложный растительный декор дополнен свисающими с растительных стеблей цветами смоквы “классической” для Саяно-Алтая иконографии с округлой верхней частью и прямыми узкими лепестками. Цветы размещены по углам лопастей бляхи, а также в центре каждого из четырех секторов ее округлого центрального выступа. В композиции это исклю-

³ Подробно о термине “цветок смоквы”, его первичном описании, характеристике иконографии, распространении серийных изделий в регионе Саяно-Алтая и на прилегающих территориях, включая все источники, см. Король, 2008. С. 158–161, 289–291.

Рис. 1. Мотив “цветок смоквы” (1, 2) и ажурные сложные композиции (3–8). 1, 2 — иконография (по: Агге, 2014. Fig. 230; Казнаков, 1904. Табл. I, 3); 3 — Копены, к. 2 (по: Кызласов, Король, 1990. Рис. 20, 5); 4 — Лугавское (по: Король, 2008. Рис. 32); 5 — Минусинская котловина (по: Бутанаев, 2006. С. 24); 6 — “между Обью и Иртышом” (по: Миллер, 1999. Рис. 22); 7 — Чигиринский уезд, Киевская губ. (по: Кызласов, Король, 1990. Рис. 64); 8 — Красная Речка (по: Байпаков и др., 2007. Рис. 57, 7). Без масштаба.

Fig. 1. The “fig flower” motif (1, 2) and complex openwork compositions (3–8). Not to scale

чительно декоративный мотив, фактически элемент сложного растительного переплетения.

Известна случайная находка из Минусинской котловины — бронзовая ажурная накладка с растительным декором, в котором рассматриваемый мотив используется необычным для материалов региона IX–X вв. образом — как основание сложной замкнутой композиции (рис. 1, 5). Свисающие “цветы” в качестве завершения симметричных полупальметт в верхней части композиции скорее напоминают “гроздь винограда” (мотив, о котором пойдет речь ниже) с обозначением “ягод” ромбической сеткой, одним из вариантов

иконографии мотива в IX–X вв. Аналогии композиции не известны. Можно констатировать плохое качество и литья, и декора. Он выполнен грубо, возможно, не слишком умелый мастер копировал какой-то предмет. Это могла быть и реплика накладки плохого качества с его ухудшением в новом изделии. Возможно, предмет относится к началу II тыс.

Отметим, что манера оформлять этим мотивом углы украшаемой поверхности предметов с литым декором в виде “летающих” уток с распахнутыми крыльями прослежена по находкам из предгорий Алтая и Западной Сибири (Король,

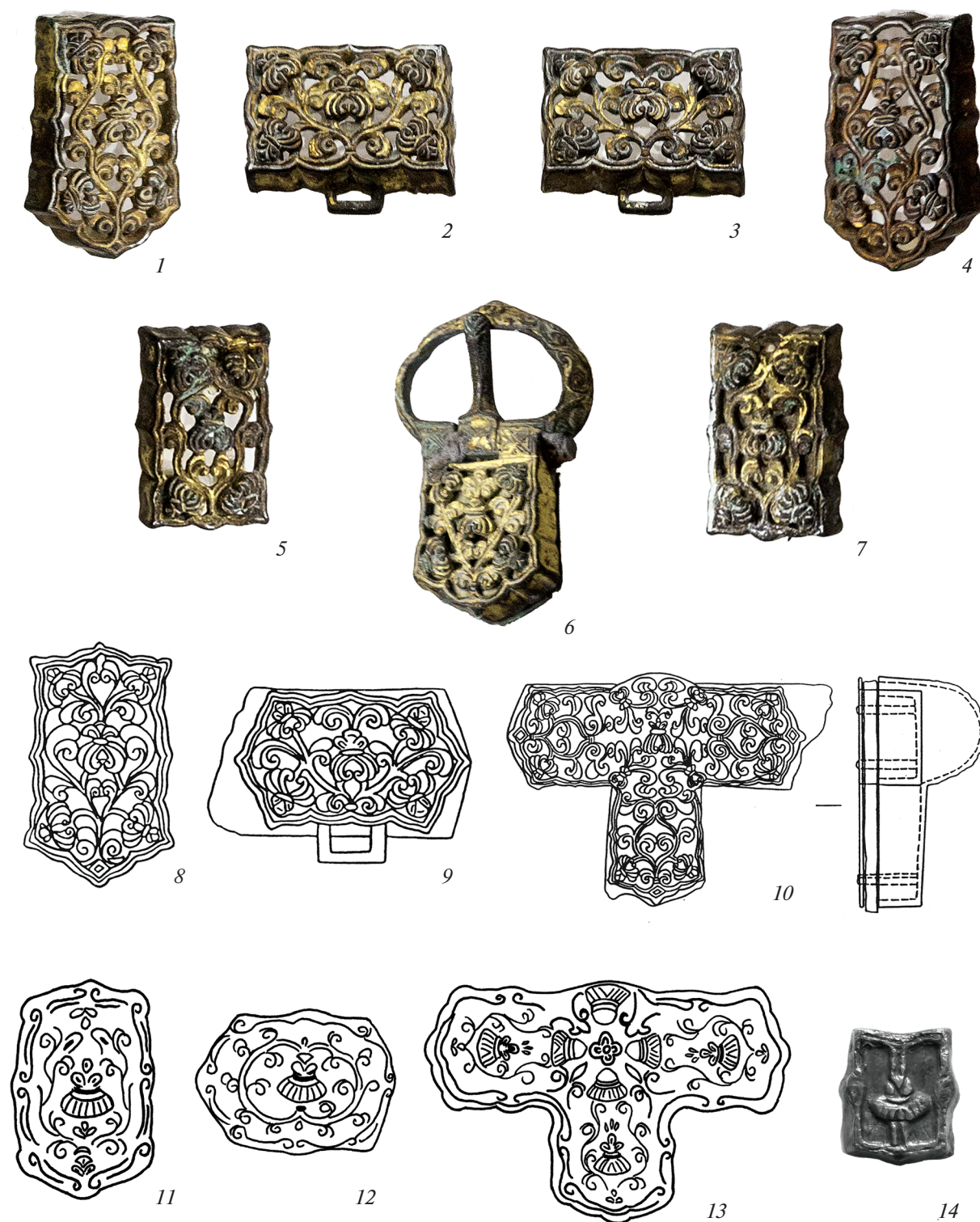

Рис. 2. Ажурные сложные композиции с мотивом “цветок смоквы” из Внутренней Монголии, Китай (1–10) и аналогии иконографии (11–14). 1–7 – случайные находки (из архива Е.Г. Дэвлет, 2018 г.); 8–10 – по: Qi Xiaoguang et al., 1996. P. 19, 20; 11–13 – Саяно-Алтай (по: Король, 2008. Рис. 37); 14 – Чуйская долина. 1–7 – фото И. Георгиевского; 14 – фото автора. Без масштаба.

Fig. 2. Complex openwork compositions with a “fig flower” motif from Inner Mongolia (1–10) and analogies to the iconography (11–14). 1–7 – photos by I. Georgievsky; 14 – photo by the author. Not to scale

2019. Рис. 1, 5–8). Мотив (с редуцированной верхней частью) известен в качестве основания сложной ажурной композиции с растительным декором на лопастях Т-образной бляхи из Чигиринского уезда Киевской губернии (рис. 1, 7). Ажурная находка с городища Красная Речка в Чуйской долине Северного Тянь-Шаня (рис. 1, 8) вряд ли обоснованно соотнесена с копенской бляшкой из Минусинской котловины (Байпаков и др., 2007. С. 33, 34. Рис. 30, 2; 57, 7).

Обратимся к материалам культуры киданей империи Ляо. Доступные публикации тюревтики малых форм из киданьских гробниц не слишком многочисленны, поэтому особого внимания заслуживают музейные экспонаты, известные автору по хорошим фотографиям из архива Е.Г. Дэвлет (2018 г.). Среди них представлены образцы с мотивом “цветок смоквы” в основном хорошего художественного уровня, но не идеального литья (не все ажурные отверстия отлиты). Это набор из, по-видимому, грабительских раскопок или случайных находок во Внутренней Монголии (музей г. Чифэн). На этикетке написано: “Позолоченные украшения лошадиной сбруи. Эпоха Ляо (916–1125). Переданы в полицейское управление городского округа Чифэн”. Предметы произвольны, по-видимому, исходя из размеров, представлены в виде двух наборов (7 и 8 шт.). В одном отметим четыре крупные ажурные бляхи и пряжку (поясные), в другом — две бляхи чуть меньшего размера (уздечные или для небольших подвесных ремней основного пояса) с интересующим нас декором (рис. 2, 1–7). Меньшие бляшки худшего качества во всех отношениях: и рисунка декора, и качества литья (рис. 2, 5, 7)⁴. Позолота на бронзовых изделиях сохранилась не везде.

Рассмотрим композиционные и иконографические особенности декора. На всех предметах мотив “цветок смоквы” является центром сложной растительной композиции, как это характерно для одной из групп серийных изделий из Саяно-Алтая и прилегающих территорий (Король, 2008. С. 161. Рис. 37, группа Б). Особенность (помимо ажурности), отличающая композиционное построение от саяно-алтайских предметов, — в оформлении угловых участков поверхности отдельными цветами, аналогичными центральному мотиву. В саяно-алтайском материале такой декоративный прием в сочетании с размещением мотива и в центральной части зафиксирован только на копенской бляшке. Другая особенность основного мотива на киданьских бляхах — закрученные внутрь центральные лепестки свисающего цветка, что перекликается с так же закручен-

ными отростками основного растительного стебля композиции. Это категорически отличает киданьский декор от условно кыргызского, где нижняя часть цветка совершенно иная, лепестки достаточно схематичны, обозначены вертикальными или чуть расходящимися от центра полосками.

Другие особенности имеют некоторое совпадение с саяно-алтайскими материалами. Отметим на прямоугольных бляхах с петлей и на пряжке горизонтальную “перевязку” основания растительных стеблей. На остальных предметах из Чифэна этот элемент отсутствует. Б.И. Маршак при датировке тюревтики из кургана 2 Копенского чаатаса особенно отметил именно перевязку в виде полоски поперек стеблей у начала композиции как один из важных датирующих элементов (Маршак, 1971. С. 55). В случае с киданьским набором это может говорить об определенном почерке мастера или некоторой разнице во времени изготовления конкретных предметов.

Еще одна особенность — оформление верхней части цветка в виде трехчастного элемента, напоминающего трилистник с центральным лепестком разной формы. Среди саяно-алтайских материалов второй половины IX–X в. фиксируются обе формы верхней части цветка — и простая округлая (рис. 1, 1), и трехчастная⁵ (рис. 2, 11, 12) наподобие киданьской. Разница оформления элементов мотива на предметах из Саяно-Алтая также могла бы предполагать “почерк” одновременно работавших мастеров-художников или некоторую хронологическую разницу изготовленных украшений. Но зафиксировано и сочетание обоих вариантов на одном предмете (рис. 2, 13). Судя по наличию этих же отличающихся деталями иконографии видов мотива, к примеру на манихейской росписи из Восточного Туркестана, они вполне могли использоваться одновременно как два варианта одного мотива и к тому же одним мастером (см. Король, 2008. С. 159 (там же литература). Рис. 36).

На саяно-алтайских бляхах один из вариантов композиции дает “строгие” лаконичные образцы (и по форме предметов, и по декору), другой — более “пышные” (фестончатые края предметов, детализация выступающей части цветка смоквы, двойные линии растительного побега). Входящие в каждую из этих групп бляхи разных форм образуют цельные в художественном отношении наборы. Киданьские предметы определенно можно отнести к “пышным” образцам, исполненным мастером, имеющим значительный опыт и художественный вкус. В данном случае они сочетают в композиции применение мотива “цветок смок-

⁴ Остальные бляхи (прямоугольные и Т-образные), вероятно, уздечные; украшающие их литые композиции не характерны для Саяно-Алтая, за исключением простых растительных элементов.

⁵ Один такой экземпляр с очень схематизированным мотивом известен из случайных находок в Чуйской долине Северного Тянь-Шаня (рис. 2, 14).

вы” в качестве центра сложного растительного узора, как на саяно-алтайских предметах с литым декором IX–X вв., с обрамлением углов украшаемой поверхности этим мотивом, как на золотой саяно-алтайской бляшке из кургана 2 (середина – вторая половина IX в.) Копенского чаатаса.

Близкие аналогии рассматриваемым киданьским предметам найдены при раскопках в том же округе Внутренней Монголии гробницы Елюя Юйчжи⁶ и его супруги Сяо Чунгунь (941 г.). Среди разнообразных ременных украшений – бронзовые позолоченные бляхи с ажурным декором (Qi Xiaoguang et al., 1996. P. 19, 20). Это две поясные шестиугольные накладки, одна из них с петлей, и Т-образная бляха конской упряжи (рис. 2, 8–10). Композиции в целом сходны с рассмотренными выше, но не идентичны – есть различия в деталях. Основные характерные особенности случайных находок здесь тоже присутствуют (оформление четырех углов декорированной поверхности основным мотивом “цветок смоквы”; перевязка основания растительных стеблей и ее отсутствие; загнутые внутрь центральные лепестки цветка; трехчастное оформление (в виде трилистника) верхней части цветка; общая “пышность” декора). Отметим, что на лопастях Т-образной бляхи цветок смоквы украшает только их углы и отсутствует в качестве центра композиций на них. Внимание привлекает мотив в самом центре бляхи – на ее сильно выступающей полусферической части (рис. 2, 10). Таким образом, и музейные экспонаты – находки вне археологического контекста, можно отнести к этому же времени – середине X в.

Некоторое сходство саяно-алтайских предметов и киданьских следует рассматривать лишь как стадияльное явление в синкретической культуре государств кочевников. Киданьский декор имеет некоторые элементы и мотивы, очень близкие “кыргызскому” (саяно-алтайскому) орнаменту, но все же отличается от него (Горбунова, 2005; Король, 2021. С. 59–64).

Подводя итог рассмотренным ажурным сложным растительным композициям с мотивом “цветок смоквы” и распределению их в географическом пространстве (рис. 3), можно заключить, что этот буддийский по происхождению изобразительный мотив на средневековой тюркской малых форм Центральной Азии имеет дисперсный характер распространения. Для Саяно-Алтая вероятным источником, повторимся, могли послужить буддийские и манихейские изобразительные традиции Восточного Туркестана конца I тыс., для Внутренней Монголии Китая – мотивы, распространившиеся в эпоху Тан в Средней империи под индийским влиянием. Можно

предположить, что уникальные предметы высокого качества (бляха из Копен и накладки со Среднего и Верхнего Енисея) могли попасть в регион также с юго-востока.

Могли ли в средневековье подобные буддийские символы, столь популярные в тюркской малых форм, изображаться на камнях и скалах? Связь между некоторыми мотивами на художественном металле и образами петроглифов известна (Миклашевский, 2010). По материалам Саяно-Алтая, Внутренней Монголии, а также Тибета⁷ и Каракорума, где существуют ранне-средневековые буддийские композиции, в том числе с деревом *бодхи* (Zwischen Gandhāra..., 1985. S. 19–22, 33, 34), на камнях и скалах, признаки символики в виде цветов смоквы не известны, т.е. популярный мотив в декоре тюркской не получил распространения в петроглифах.

Простые композиции (в том числе ажурные) с мотивом “цветок смоквы”. В качестве композиционного варианта бродячего мотива интерес представляют сегментовидные накладки, среди которых бляшки с отверстием в нижней части (рис. 4)⁸. Основной мотив декора, в том числе ажурного, – “цветок смоквы” на месте бутона/цветка растительных пальметт. Предмет не лучшего качества – случайная находка из Монголии (рис. 4, 1). Это бронзовая со следами позолоты накладка, датированная очевидно ошибочно II–I вв. до н.э. (Тэнгэрийн илд, 2011. С. 479).

Накладки сегментовидной формы с идентичным, в том числе ажурным, декором известны из раскопок курганов X в. по обряду кремации в Верхнем Прииртышье, Восточный Казахстан (Зевакино, курган 97, Усть-Каменогорский краеведческий музей) и на Верхнем Енисее (Хемчик-Бом II, курган 25). Находки из Зевакино представлены поясным набором из нескольких видов бронзовых накладок. Среди них – три сегментовидные, одна из которых с двумя удлиненными отверстиями под цветами у прямой линии основания (рис. 4, 2), возможно, это результат неудачной попытки литья ажурного изделия, а также две округло-сегментовидные накладки (одна из них ажурная – рис. 4, 3) с прямоугольной прорезью. Простейшая ажурная композиция – и на сердцевидной с отверстием (с несомкнутыми концами) накладке (рис. 4, 7). Кроме того, в этот же поясной набор входили две удлиненные прямоугольной формы накладки с округлым концом (одна фрагментирована), а также пряжка с идентичным мотивом. На них композиция более сложная,

⁷ Дополнительная информация знатока тибетских древностей, в том числе тюркской и петроглифов, и путешественника Дж. Беллеца (из переписки с автором, март 2022 г.).

⁸ На рисунке накладки с отверстием даны “перевернутыми”, чтобы показать декоративную композицию.

⁶ Высокого ранга чиновник Ляо в вассальном государстве Дундань.

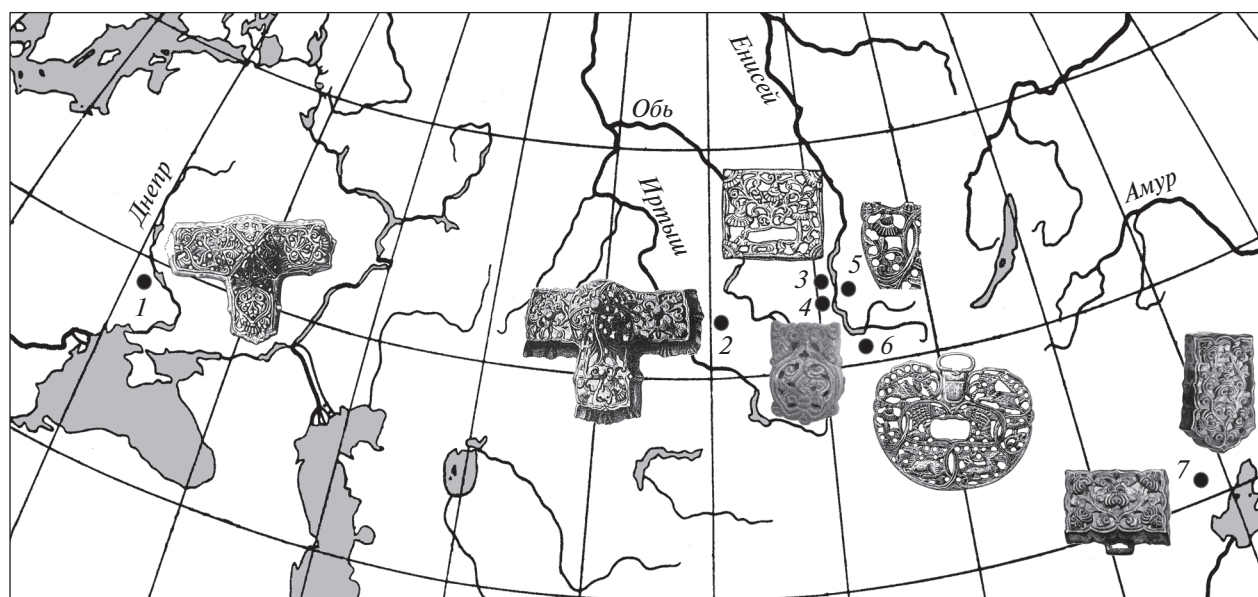

Рис. 3. Распространение мотива “цветок смоквы” в ажурных сложных композициях. 1 — Чигиринский уезд; 2 — “между Обью и Иртышом”; 3 — Копены; 4 — Минусинская котловина; 5 — Лугавское (фрагмент); 6 — Аргалыкты I; 7 — Внутренняя Монголия (округ Чифэн), Китай.

Fig. 3. Spreading of the “fig flower” motif in openwork complex compositions

условно двухъярусная. В публикации комплексов из Зевакино орнамент дан чрезвычайно схематично (Арсланова, 1972. Табл. VII, 1, 3, 4, 6, 8, 9).

На сходство этого материала с находками с Верхнего Енисея обратила внимание Г.В. Длужневская, уточнив (X в.) при разработке общей хронологии кыргызских памятников Тувы (Длужневская, 1985. С. 108. Рис. 108, 2, 3)⁹ первоначальную датировку восточноказахстанского материала VIII–IX вв. (Арсланова, 1972. С. 70). Ременные украшения из Хемчик-Бомы — четыре предмета с однотипным ажурным декором. Это накладки следующих форм: сегментовидной (рис. 4, 4), округло-сегментовидной с отверстием (рис. 4, 8)¹⁰, прямоугольной (с отверстием) с плохо сохранившимся орнаментом (фрагментирована); а также обломки сильно обожженной пряжки.

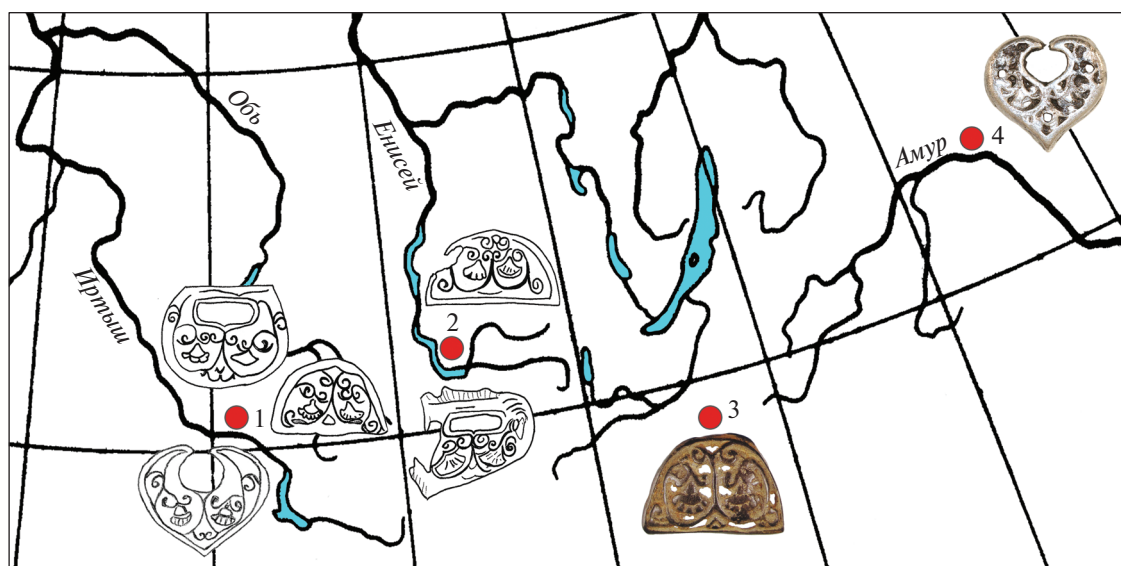
По имеющимся аналогиям из погребений Верхнего Прииртышья и Верхнего Енисея ажурную накладку из Монголии можно отнести также к концу I тыс. Учитывая факт того, что после победы над уйгурами в 840 г., разгрома их столицы Орду-Балык (Балыклык), енисейские кыргызы заняли ряд районов Центральной Азии, включая Монголию, можно условно отнести бляшку ко второй половине IX — началу X в. По качеству литья и иконографии декора все предметы пример-

но одного уровня — среднего и ниже среднего. При этом бляшка из Монголии по качеству иконографии и композиционной завершенности (четко прорисованный трилистник в основании всей композиции) несколько лучше остальных. Возможно, именно ее можно считать “первой” в хронологической и территориальной цепочке предметов с популярным мотивом “цветок смоквы” в простейшей композиции на торевтике малых форм конца I тыс.

Интерес представляет находка с Верхнего Амура (Ангайский могильник, погребение 6) — сердцевидная с отверстием (с несомкнутыми концами) серебряная (?) накладка с местами сохранившейся позолотой и плохого качества ажурным (?) орнаментом (рис. 4, 5). Декор по общей композиции и использованию мотива “цветок смоквы” практически одинаков с таковым на сердцевидной бронзовой ажурной накладке из погребения X в. с Верхнего Прииртышья (рис. 4, 7). При этом находка с Верхнего Амура происходит из погребения, предварительно соотнесенного с культурой, датируемой исследователями XIII/XIV–XVII вв. и связываемой с даурами, которые рассматриваются как родственные киданям народ. До X в. на этой территории сохранялись локальные группы северных шивэй, которые тоже близки киданям (Албазинский острог..., 2019. С. 28, 33, 53, 62, 65. Рис. 1.5.21). Напомним, что в 847 г., преследуя уйгуров, кыргызское войско дошло до мест обитания шивэй, разбило их и увело в плен уйгуров

⁹ Ко времени не ранее X в. отнесены восточноказахстанские погребения по обряду кремации и в другом исследовании (Кляшторный, Савинов, 2005. С. 270).

¹⁰ Накладка деформирована от воздействия огня.

9

Рис. 4. Простые композиции (в том числе ажурные) с мотивом “цветок смоквы” (1–5, 7, 8) и аналогия (6). 1 – Монголия (по: Тэнгэрийн илд, 2011. № 520); 2, 3, 7 – Зевакино, к. 97; 4, 8 – Хемчик-Бом II, к. 25; 5 – Ангайский, погр. 6; 6 – киданьская гробница, провинция Ляонин, Китай (по: Jin Fengyi, 1980. P. 22. Fig. (below), 5); 9 – распространение композиций (1 – Зевакино; 2 – Хемчик-Бом II; 3 – Монголия; 4 – Ангайский). 5 – фото А.Н. Черкасова, рис. О.Б. Наумовой. 1, 6 – без масштаба.

Fig. 4. Simple compositions (including openwork ones) with the “fig flower” motif (1–5, 7, 8) and an analogy (6). 5 – photo by A.N. Cherkasov, drawing by O.B. Naumova. 1, 6 – not to scale

(Кызласов, 1984. С. 71; Кляшторный, Савинов, 2005. С. 263. Цв. карта [6]).

Мотив “цветок смоквы” на месте бутона/цветка растительных пальметт известен и в кидань-

ском орнаменте, например в сложной растительной композиции на бронзовой с позолотой пряжке (рис. 4, 6 – фрагмент) из киданьской гробницы, около 1004 г., исследованной в про-

винции Ляонин на северо-востоке Китая, граничащей с Внутренней Монголией (Jin Fengyi, 1980. P. 22).

Точно датировать находку из Ангайского могильника на Верхнем Амуре затруднительно. По имеющимся аналогиям можно только констатировать, что истоки мотива восходят к материалам конца I — начала II тыс. из северной части Центральной Азии. Отметим, что по находке китайской монеты 1023–1031 гг. в одном из погребений могильника исследователи определяют время, раньше которого могильник не может быть датирован (Албазинский острог..., 2019. С. 66). Декор накладки позволяет предположительно отнести ее к началу II тыс., т.е. домонгольскому времени (вряд ли более позднему).

В итоге находку с Верхнего Амурса с некоторыми оговорками, но все же можно включить в “цепочку” территориального распространения (рис. 4, 9) мотива “цветок смоквы” на месте бутона/цветка растительных пальметт в самых простых композициях декора, в том числе ажурного, на средневековой тюркестанской малых форм Центральной Азии. Картографирование находок иллюстрирует условный линейный характер распространения мотива. Это отражает не только процесс принятия и последующей популярности инородных изобразительных мотивов для украшения важных в культуре кочевников атрибутов воина-всадника (пояс, уздечная гарнитура и пр.), но и культурное влияние енисейских кыргызов в период их экспансии (через непосредственный контакт) в первую очередь на регионы Саяно-Алтая и прилегающие территории в конце I тыс.

Мотив “виноградные гроздья и лоза” — вариант (с акцентом на гроздья) многовариантного мотива “лоза с гроздьями винограда”, популярного в декоре тюркестанских малых форм северо-запада Центральной Азии и в первую очередь Саяно-Алтая и прилегающих территорий. Этот вариант формирует разные композиции, иногда в сочетании с другими видами декора (антропоморфным, зооморфным). Не слишком значительное количество, но все же определенно серийных изделий имеют упрощенный декор в виде расщепленной пальметты (условной лозы), вырастающей из бутона другой пальметты. Он формирует композицию “симметричные гроздья винограда”.

История мотива в азиатском искусстве восходит к византийским или римским элементам (см. Король, 2008. С. 166, 167). Появление мотива в Китае связывается также с западным влиянием: в период Суй (590–618 гг.) он становится известным по импортируемому сасанидским серебряным сосудам с декором и узором на шелке. На танских (618–907 гг.) изделиях мотив получает новое развитие, распространяются широко известные в Китае зеркала с орнаментом, в котором

сочетаются изображения винограда и животных (львов). Саяно-Алтай и особенно Минусинская котловина — крупнейший центр находок танских зеркал за пределами империи. Они копировались для потребностей региона, декор с изображением животных и винограда был самым востребованным (Лубо-Лесниченко, 1975. С. 23, 24).

Отдельные элементы мотива виноградных гроздьев и лозы появляются в Саяно-Алтае уже во второй половине I тыс. н.э., но наибольшее распространение получает этот декор в конце I тыс. В композиции “симметричные гроздья” он украшает прямоугольные бляшки с отверстием. Орнаментальное поле обычно обрамлено псевдозернью-“перлами”. Прототипы композиции (византийские, шире римские и ближневосточные); особенности иконографии; распространение бляшек с данной композицией исследованы ранее (Король, 2008. С. 167–169. Рис. 41–43). Примечательно, что такие бляшки известны помимо Саяно-Алтая в Забайкалье, Средней Азии (совр. Киргизия, Узбекистан) и Восточной Европе — на Верхнем Днепре (Гнёздово) (рис. 5). Среднеазиатские находки имеют свои иконографические особенности, как и восточноевропейские. Последние, возможно, были изготовлены в одном из региональных ремесленных центров по “восточному” оригиналу.

Специально исследовался состав металла некоторых накладок¹¹. В одном из комплексов (Верхний Енисей) выявлены предметы из сложной латуни. Наличие сложной латуни среди других сплавов и заимствованный декоративный мотив позволили связать производство предметов с большим содержанием цинка с районами Средней Азии, Ирана, Северной Индии, для которых характерно производство сложных латуней (Король, Конькова, 2007. С. 147–151).

В дополнение к ранее опубликованным нами материалам можно добавить, что в Киргизии выявлено еще около 10 экз.: с городища Красная Речка (Байпаков и др., 2007. С. 32, 33, 264. Рис. 28, 1–3; 57, 13–15) и случайные находки в Чуйской долине¹² (рис. 5, 4-нижняя). Все они разного качества изготовления, разной иконографии гроздьев, среди случайных находок — три ажурные, но плохой и некачественной отливки, одна бляшка — явная реплика затертого образца, давно бывшего в употреблении. На одних есть перлы в обрамлении орнаментального поля бляшки, на других нет. Предположительно они различаются хронологически — бляшки с псевдозернью-перлами определенно ближе к оригинальным, их можно отнести к IX в., а без перлов, с “гроздья-

¹¹ Результаты эмиссионного спектрального анализа обобщены Л.В. Коньковой.

¹² Музей нумизматического центра “Фельс”, г. Бишкек, Кыргызстан.

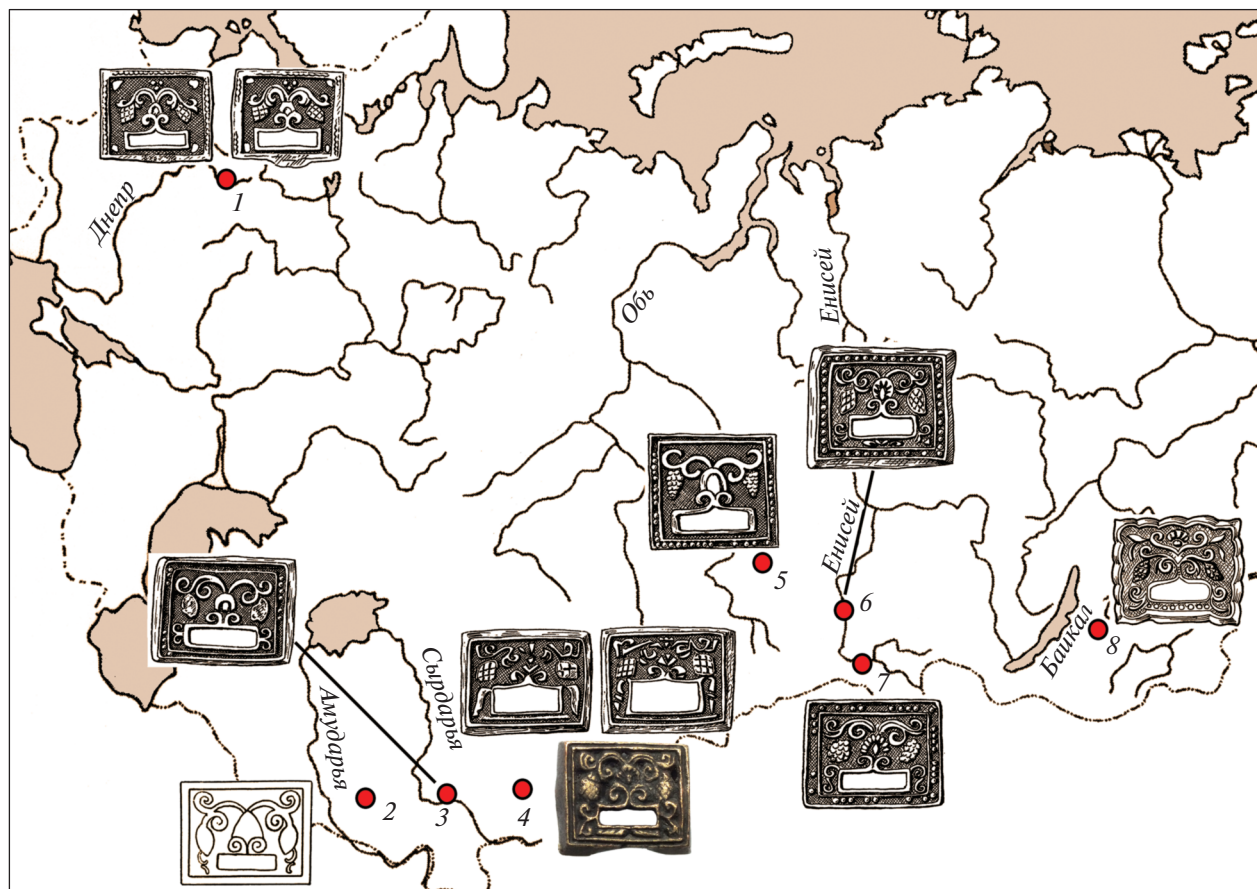

Рис. 5. Распространение варианта композиции “симметричные гроздья винограда”. 1 – Гнёздово; 2, 3 – Узбекистан; 4 – Киргизия; 5 – Кузнецкая котловина; 6 – Средний Енисей; 7 – Верхний Енисей; 8 – Забайкалье. Источники см. Король, 2008. С. 168, 169, 298.

Fig. 5. Spreading of the composition “symmetrical grape clusters” (for sources see Korol, 2008. P. 168, 169, 298)

ми”, в которых уже трудно различить виноград, возможно, к X в.

Самая восточная (забайкальская) находка этой цепочки распространения популярной композиции отличается чуть иным ее вариантом. Расщепленная пальметта (условная лоза) со свисающими гроздьями винограда не вырастает из другой пальметты, как на “классическом” варианте композиции, а наоборот, сама служит основой дальнейшего вертикального построения композиции (рис. 6, 1). Восточнее находки торевтики малых форм с аналогичным декором неизвестны.

Следует упомянуть о чуть более сложной композиции с симметрично свисающими “плодами” или просто изогнутыми крупными “листьями” (?) – находку из того же погребения Ангайского могильника на Верхнем Амуре, о котором шла речь выше (Албазинский..., 2019. С. 65. Рис. 1.5.20). Это прямоугольная бляха с отверстием из белого металла (серебро?) с декором очень плохого качества и сохранности, но все же довольно ясной композицией растительного орнамента с попе-

речной перемычкой, соединяющей стебли в ее основании. В нижнем ярусе композиции – расщепленная пальметта со свисающими плодами. В верхнем – симметричные полупальметты с крупными нижними листьями. В центре композиции – круглый выпуклый элемент, над которым симметричные растительные завитки (рис. 6, 2). Точные аналоги неизвестны. Композицию лишь с крайней степенью условности можно считать неким поздним усложненным отголоском рассмотренного варианта мотива “виноградные гроздья и лоза”.

Отметим, что в Южном Забайкалье из памятника X в. (Хойцегорский, могила 3) на бронзовой пряжке известна композиция со свисающими “плодами/листьями” (рис. 6, 3). Двухъярусную композицию, условно напоминающую композицию на верхнеамурской бляшке, с расщепленными пальметтами и свисающими “плодами/бутонами” (рис. 6, 4) можно видеть на бронзовой позолоченной прямоугольной накладке с отверстием (Wu sheng..., 1958. Pl. 107, 3) среди инвента-

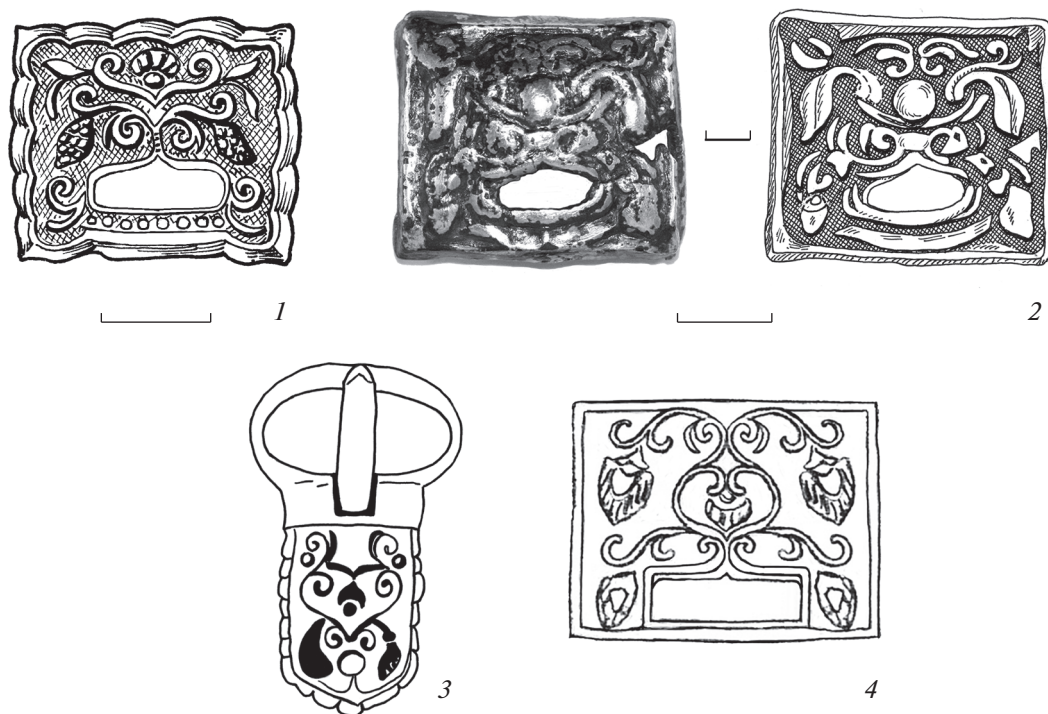

Рис. 6. “Симметричные гроздья винограда” из Забайкалья (1), находка с Верхнего Амура (2) и условные аналогии (3, 4). 1 – Бухусан, мог. 24 (музей истории Бурятии, Улан-Удэ); 2 – Ангайский, погр. 6; 3 – Хойцегорский, мог. 3 (Кяхтинский музей); 4 – киданьская гробница, Внутренняя Монголия (округ Чифэн), Китай (по: Wu sheng..., 1958. Pl. 107, 3). 2 – фото А.Н. Черкасова, рисунок О.Б. Наумовой. 3, 4 – без масштаба.

Fig. 6. “Symmetrical grape clusters” from Transbaikalia (1), a find from the Upper Amur (2) and conditional analogies (3, 4). 2 – photo by A.N. Cherkasov, drawing by O.B. Naumova. 3, 4 – not to scale

ря из гробницы Сяо Шагу (Сяо Цюйле), 959 г., в упомянутом выше городском округе Чифэн (Внутренняя Монголия).

Распространение исследованного чуждого для средневековых всадников севера Центральной Азии мотива “гроздья и виноградная лоза” в простой композиции “симметричные гроздья” на прямоугольных бляшках с отверстием, показанное на карте (рис. 5), дает самую длинную из рассмотренных выше цепочек с композициями другого чуждого мотива (“цветок смоквы”). Такой вариант распространения бродячего мотива (в данном случае определенной композиции) можно назвать “многовекторным”. Как сказано выше, наличие сложной латуни в составе некоторых изделий позволяет связать их производство с районами Средней Азии, Ирана, Северной Индии. Можно предположить, что какие-то из них (прежде всего Иран и часть Средней Азии – совр. Узбекистан) и были условным центром, откуда мотив в определенной композиции распространился в восточном направлении – предгорья Тянь-Шаня, Саяно-Алтай и Забайкалье, и северо-западном – Восточная Европа (верховья Днепра). Заметим, что виноградные гроздья в декоре ремennых украшений юга Восточной Европы (Северный Кавказ и Крым) относятся к эпохе Ха-

зарского каганата, ко времени не позднее первой половины IX в., и стилистически отличаются (Король, Конькова, 2007. Рис. 4) от рассмотренных выше.

Итак, исследованные виды бродячих мотивов “цветок смоквы” и “виноградные гроздья и лоза”, первый в двух композиционных вариантах, второй в композиции “симметричные гроздья”, были популярными мотивами декора торевтики малых форм конца I тыс. на севере Центральной Азии – в Саяно-Алтае и на прилегающей территории. Картографирование предметов, в том числе найденных за пределами Саяно-Алтая, позволило определить разный характер их распространения. 1. Ажурные сложные композиции с мотивом “цветок смоквы” – дисперсный характер распространения из разных источников в разных (рассеянных) направлениях. Эту цепочку составили предметы из Саяно-Алтая, Внутренней Монголии (Китай), Восточной Европы (правобережье Днепра). 2. Простые композиции (в том числе ажурные) с мотивом “цветок смоквы” – линейный характер распространения мотива/композиции, связанный в первую очередь с контактами енисейских кыргызов периода экспансии и влияния преимущественно на районы Саяно-Алтая и прилегающие территории. Цепоч-

ку составили предметы из Монголии, с Верхнего Прииртышья (Восточный Казахстан), Верхнего Енисея и Верхнего Амура (последний несколько более позднего времени). 3. Вариант мотива “гроздь винограда и лоза” в композиции “симметричные гроздьи” — многовекторный характер распространения из условно одного региона в разных направлениях. Декор на серийных изделиях, т.е. практически идентичных предметах, можно рассматривать как самый представительный по охвату территории. Картографирование находок отражает не только распространение саяно-алтайского варианта евразийского стиля “степного орнаментализма” конца I тыс. в горно-степной зоне северо-запада Центральной Азии, но и попадание реплик в Восточную Европу (Верхний Днепр).

Заметим в завершение, что в раннем средневековье в Центральной Азии, включая Саяно-Алтай, синкретизм культуры был характерной чертой эпохи. Такими были культура и искусство Средней Азии и Восточного Туркестана. Синкретично и декоративное искусство эпохи Тан в Китае, впитавшее в себя множество персидских, согдийских, а также индо-буддийских мотивов и композиций. По этой причине почти невозможно с уверенностью говорить о том, откуда именно распространился тот или иной мотив или композиция. В лучшем случае можно указать истоки мотива и наметить условные пути попадания его на ту или иную территорию.

Искренне благодарю П.А. Артемьеву (Институт истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН) за перевод фрагментов китайских текстов, а также А.Н. Черкасова (Фонд “Петропавловск”) за предоставленные фотографии находок с Верхнего Амура.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН (№ НИОКТР 122011100061-5).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / Отв. ред. А.П. Забияко, А.Н. Черкасов. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии Сибирского отд. РАН, 2019. 348 с.
- Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 56–76.
- Байпаков К.М., Терновская Г.А., Горячева В.Д. Художественный металл городища Красная Речка (VI — начало XIII в.). Алматы: Ғылым, 2007. 304 с., 409 рис.
- Бутаная В.Я. Хакасы в провинции Хэйлунцзян. Абакан: Изд-во Хакаского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2006. 83 с.
- Горбунова Т.Г. Украшения конского снаряжения киданей и их аналогии в памятниках Южной и Западной Сибири // Снаряжение кочевников Евразии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2005. С. 144–151.
- Горячева В.Д. Городская культура Тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI — начало XIII в.). Бишкек: Кыргызско-Российский Славянский ун-т, 2010. 320 с.
- Длужневская Г.В. Памятники енисейских кыргызов в Туве (IX–XII вв.): дис. ... канд. ист. наук / Ленинградское отд. Ин-та археологии АН СССР. Л., 1985. 592 с.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаа-тас у села Копёны // Труды Государственного исторического музея. Вып. XI. Сборник статей по археологии СССР. М.: Гос. ист. музей, 1940. С. 21–54.
- Казнаков А.И. Собрание тибетских и монгольских “гау” // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 15. 1902–1903. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1904. С. 021–026.
- Камышев А.М. Литейные и ювелирные ремесла на средневековом городище Кен-Булуң // International Workshop “Status of Contemporary Research on Islamic History, Art and Culture in Kyrgyzstan”: Abstracts. Bishkek: Bishkek State University, 2020. P. 77–83.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филолог. фак-т Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2005. 346 с.
- Коренько В.А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. М.: Восточная литература, 2002. 327 с.
- Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008 (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства; вып. V). 332 с.
- Король Г.Г. Составные украшения-застежки с территории Саяно-Алтая конца I — начала II тыс. // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2) / Ред. М.А. Дэвлет. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2019 (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства; вып. XII). С. 175–195.
- Король Г.Г. Комплект средневековых ремennых украшений из Кузнецкой котловины и проблема культурных влияний // Ученые записки музея-заповедника “Томская Писаница”. 2021. Вып. 14. С. 47–68.
- Король Г.Г., Конькова Л.В. Южносибирские импорты в Восточной Европе и проблемы этнокультурного и регионального взаимодействия в X–XIII вв. // Археологические вести. Вып. 14. М.: Наука, 2007. С. 145–156.
- Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М.: Высшая школа, 1984. 167 с.
- Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.: Восточная литература, 1990. 216 с.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Восточная литература, 1975. 165 с., 109 рис.

- Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торовитке. М.: Восточная литература, 1971. 191 с.
- Миклашевич Е.А. Влияние торовитки на формирование стилей наскального искусства Южной Сибири, Средней и Центральной Азии // Торовитка в древних и средневековых культурах Евразии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2010. С. 135–144.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. Изд. 2-е, доп. М.: Восточная литература, 1999. 630 с.
- Торгоев А.И. Ременные украшения Семиречья V – начала XIII в. (вопросы хронологии): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ин-т истории материальной культуры РАН. СПб., 2011. 22 с.
- Тэнгэрийн илд (The Sword of Heaven). Ulaanbaatar: "Sunny Mongolia Today" Magazine, 2011. 496 p. (На монг. и англ. яз.)
- Arne T.J. La Suède et l'Orient. Uppsala: K.W. Appelbergs Boktryckeri, 1914. 243 p.
- Jin Fengyi. Liaoning Chaoyang Qianchuanghu cun Liao mu // Wen Wu. 1980. Iss. 12. P. 17–29. (На кит. яз.)
- Qi Xiaoguang, Wang Jianguo, Cong Yanshuang, Zhang Xiaozhou. A brief report of the excavations of Yelu Yuzhi's tomb of the Liao Dynasty // Wen Wu. 1996. Iss. 1. P. 4–32. (На кит. яз.)
- Williams C.A. Encyclopedia of Chinese Symbolism and Art Motives. New York: Julian Press, 1960. XXI, 468 p.
- Wu sheng chutu zhongyao wenwu zhanlan tulu. Beijing: Wenwu Chubanshe, 1958. 23 p., 121 pl. (На кит. яз.)
- Zwischen Gandhāra und den Stidenstrassen. Felsbilder am Karakorum Highway / Comp. K. Jettmar, V. Thewalt. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1985. 36 S., 23 Taf.

“WANDERING” MOTIFS OF MEDIEVAL DÉCOR (Based on non-ferrous small artistic metalwork from Central Asia)

Galina G. Korol^{a, #}

^a Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#] E-mail: ggkorol08@rambler.ru

Non-ferrous small artistic metalwork refers to objects decorated in a certain style, it mainly includes belt decorations of mounted warriors. This is a distinctive feature of different cultures of Central (Inner) Asia in the late 1st – early 2nd millennium AD. The concentration of such objects is known near the borders of the region: in the north – in the Sayan-Altai and adjacent territories, in the west – in the Chu valley of the Northern Tien Shan, and in the east – near the ridges of the Greater Khingan. The peak of the decor flourishing and the widest distribution of ornamentation fell on the late 1st millennium. Based on the case of two motifs outwardly alien to nomads (“fig flower” in two composition versions and “grape clusters and wine” arranged as “symmetrical clusters”), the author traces “chains” of their finds and visualizes them on a map. As a result, three types of spreading such “wandering” motifs are identified: dispersed – from different sources in different (scattered) directions; linear – associated with the contacts of the Yenisei Kyrgyz during the period of the Kyrgyz Khaganate “expansion” and influence, primarily, on the culture of the inhabitants of the Sayan-Altai and adjacent territories; and multi-vector – from conditionally one region in certain, but different directions.

Keywords: Central Asia, Sayan-Altai, Chu valley, non-ferrous small artistic metalwork, décor, “wandering” motifs, the late 1st millennium AD.

REFERENCES

- Albazinskiy ostrog: Istoriya, arkheologiya, antropologiya narodov Priamur'ya [Albazino stockade town: History, archaeology, anthropology of the peoples of the Amur River region]. A.P. Zabiako, A.N. Cherkasov, eds. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, 2019. 348 p.
- Arne T.J., 1914. La Suède et l'Orient. Uppsala: K.W. Appelbergs Boktryckeri. 243 p.
- Arslanova F.Kh., 1972. Burial mounds with cremated remains in the Upper Irtysh region. *Poiski i raskopki v Kazakhstane* [Search and excavations in Kazakhstan]. K.A. Akishev, ed. Alma-Ata: Nauka, pp. 56–76. (In Russ.)
- Baypakov K.M., Ternovaya G.A., Goryacheva V.D., 2007. Khudozhestvennyy metall gorodishcha Krasnaya Rechka (VI – nachalo XIII v.) [Artistic metalworking of the Krasnaya Rechka settlement (6th – early 13th century)]. Almaty: Fylym. 304 p., 409 ill.
- Butanaev V.Ya., 2006. Khakasy v provintsii Kheyluntszyan [The Khakass in Heilongjiang Province]. Abakan: Izdatel'stvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.F. Katanova. 83 p.
- Dluzhnevskaya G.V., 1985. Pamyatniki eniseyskikh kyrgyzov v Tuve (IX–XII vv.): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Sites of the Yenisei Kyrgyz in Tuva (9th–12th centuries): a thesis for the Doctoral degree in History]. Leningradskoe otdelenie Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR. Leningrad. 592 p.
- Evtyukhova L.A., Kiselev S.V., 1940. Cha Tas at the village of Kopyony. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Proceedings of the State Historical Museum], XI. *Sbornik statey po arkheologii SSSR* [Collected articles on the archaeology of the USSR]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 21–54. (In Russ.)

- Gorbunova T.G., 2005. Khitan horse gear ornamentation and its analogies from sites of South and Western Siberia. *Snaryazhenie kochevnikov Evrazii [Equipment of Eurasian nomads]*. A.A. Tishkin, ed. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta, pp. 144–151. (In Russ.)
- Goryacheva V.D., 2010. Gorodskaya kul'tura Tyurkskikh kaganatov na Tyan'-Shane (seredina VI – nachalo XIII v.) [Urban culture of the Türkic Khaganates in the Tien Shan (middle 6th – early 13th century)]. Bishkek: Kyrgyzsko-Rossiyskiy Slavyanskiy universitet. 320 p.
- Jin Fengyi, 1980. Liaoning Chaoyang Qianchuanghu cun Liao mu. *Wen Wu*, 12, pp. 17–29. (In Chinese)
- Kamyshev A.M., 2020. Foundry and jewellery crafts at the medieval fortified settlement of Ken-Bulun. *International Workshop 'Status of Contemporary Research on Islamic History, Art and Culture in Kyrgyzstan': Abstracts*. Bishkek: Bishkek State University, pp. 77–83. (In Russ.)
- Kaznakov A.I., 1904. Collection of Tibetan and Mongolian “gau”. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkhologicheskogo obshchestva [Transactions of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society]*, 15 (1902–1903). St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, pp. 021–026. (In Russ.)
- Klyashtornyy S.G., Savinov D.G., 2005. Stepnye imperii drevney Evrazii [Steppe empires of ancient Eurasia]. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 346 p.
- Korenyako V.A., 2002. Iskusstvo narodov Tsentral'noy Azii i zverinyi stil' [The art of the peoples of Central Asia and animal style]. Moscow: Vostochnaya literatura. 327 p.
- Korol G.G., 2008. Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki [The art of medieval nomads of Eurasia. Studies]. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 332 p. (Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva, V).
- Korol G.G., 2019. Composite decorations of a clasp from the Sayan-Altai of the late 1st – early 2nd millennium. *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii rannikh form iskusstva [Depictive and technological traditions of early art forms]*, 2. M.A. Devlet, ed. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 175–195. (Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva, XII). (In Russ.)
- Korol G.G., 2021. Medieval belt ornamentation set from Kuznetsk Depression and the issue of cultural influence. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika “Tomskaya Pisanitsa” [Transactions of the “Tomskaya Pisanitsa” Museum-Reserve]*, 14, pp. 47–68. (In Russ.)
- Korol G.G., Kon'kova L.V., 2007. Imports from South Siberia in Eastern Europe and the issue of ethnocultural and regional interaction in the 10th–13th centuries. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological News]*, 14. Moscow: Nauka, pp. 145–156. (In Russ.)
- Kyzlasov L.R., 1984. Istoriya Yuzhnoy Sibiri v srednie veka [History of South Siberia in the Middle Ages]. Moscow: Vysshaya shkola. 167 p.
- Kyzlasov L.R., Korol G.G., 1990. Dekorativnoe iskusstvo srednevekovykh khakasov kak istoricheskiy istochnik [Decorative art of the medieval Khakass as a historical source]. Moscow: Vostochnaya literatura. 216 p.
- Lubo-Lesnichenko E.I., 1975. Privoznye zerkala Minusinskoy kotloviny [Imported mirrors of the Minusinsk Basin]. Moscow: Vostochnaya literatura. 165 p., 109 ill.
- Marshak B.I., 1971. Sogdiyskoe serebro. Ocherki po vostochnoy torevtike [Sogdian silver. Studies on Oriental artistic metalworking]. Moscow: Vostochnaya literatura. 191 p.
- Miklashevich E.A., 2010. The influence of artistic metalworking on the formation of rock art styles in South Siberia and Central Asia. *Torevtika v drevnikh i srednevekovykh kul'turakh Evrazii [Artistic metalworking in ancient and medieval cultures of Eurasia]*. A.A. Tishkin, ed. Barnaul: Azbuka, pp. 135–144. (In Russ.)
- Miller G.F., 1999. Istoriya Sibiri [History of Siberia], 1. 2nd edition, revised. Moscow: Vostochnaya literatura. 630 p.
- Qi Xiaoguang, Wang Jianguo, Cong Yanshuang, Zhang Xiaozhou, 1996. A brief report of the excavations of Yelu Yuzhi's tomb of the Liao Dynasty. *Wen Wu*, 1, pp. 4–32. (In Chinese).
- Tengeriyn ild (The Sword of Heaven). Ulaanbaatar: “Sunny Mongolia Today” Magazine, 2011. 496 p. (In Mongolian and English).
- Torgoev A.I., 2011. Remennyye ukrasheniya Semirech'ya V – nachala XIII v. (voprosy khronologii): avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Belt ornaments from Semirechye of the 5th – early 13th century (chronology issue): an author's abstract of the thesis for the Doctoral degree in History]. Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk. St. Petersburg. 22 p.
- Williams C.A., 1960. Encyclopedia of Chinese Symbolism and Art Motives. New York: Julian Press. XXI, 468 p.
- Wu sheng chutu zhongyao wenwu zhanlan tulu. Beijing: Wenwu Chubanshe, 1958. 23 p., 121 pl. (In Chinese)
- Zwischen Gandhāra und den Stidenstrassen. Felsbilder am Karakorum Highway. K. Jettmar, V. Thewalt, comp. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1985. 36 p., 23 pl.